

Алексей Голубев

Идеология и повседневность: женщины в политике финского оккупационного режима и практике повседневной жизни в Карелии (1941–1944 годы)

В исторической памяти населения России Великая Отечественная война является самым значимым событием XX в. и, как следствие, одним из основных факторов, формирующих идентичность современного российского общества¹. Востребованность знания и памяти о ней неминуемо приводит к их политизации, манипуляциям с ними, и, таким образом, изучение истории Великой Отечественной войны неизбежно подразумевает и изучение как памяти, так и репрезентации исторического знания о войне, будь то знание личное (свидетельства очевидцев) или научное (исследования ученых). Это в полной мере касается и повседневной жизни женщин на территориях, оккупированных в годы войны Германией и ее союзниками.

Изучение повседневной жизни женщин в Карелии, большая часть которой в 1941–1944 гг. была оккупирована Финляндией, до сих пор оставалось практически вне внимания исследователей². Препятствия к изучению этой темы следует искать именно в социальных и политических функциях памяти о войне. В советский период использование исторической памяти о войне для формирования идентичности советского общества подразумевало ее героизацию. Это в полной мере относилось и к женской истории Великой Отечественной войны, в

---

¹ См., например, *Афанасьева Л. И., Меркушин В. И.* Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5. С. 11–22; *Саралиева З. Х., Балабанов С. С.* Отечественная война в памяти трех поколений // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 29–36; и др.

² Некоторые вопросы повседневной жизни женщин на советских территориях, оккупированных Финляндией, были рассмотрены в работе Антти Лайне: *Laine A.* Suur-Suomen kahdet kasvot. Itä-Karjalan siviiliväestön asema suomalaisessa miehityshallinnossa 1941–1944. Helsinki, 1982. В 2007 г. вышел в свет третий выпуск серии «Устная история в Карелии», посвященный, в первую очередь, вопросам повседневной жизни населения Карелии во время финской оккупации: Устная история в Карелии: Сборник научных статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944) / Науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007. При подготовке данного сборника (в частности, при работе с респондентами, чьи интервью легли в его основу) особое внимание уделялось вопросам повседневной жизни женщин под финской оккупацией. В нем также опубликован перевод главы о заключении браков в Карелии во время финской оккупации из указанной монографии А. Лайне.

частности, к формированию образа советской женщины на оккупированной врагом территории. Так, например, в сборнике «В грозные годы», опубликованном в 1970 г. в Петрозаводске и посвященном подвигам женщин в годы Великой Отечественной войны, героизации подвергаются не столько собственно героические, сколько трагические истории. Примечательной в этом является история Л. Тумановой: «По одному свидетельству, Люба, не желая сдаться врагу, взорвала себя и рацию гранатой, по другим данным – застрелилась. Но главное не в деталях. До последней минуты своей короткой жизни комсомолка Люба Туманова оставалась сильным и мужественным человеком, верной дочерью своей страны»¹. Несмотря на изменение идеологической атмосферы со второй половины 1980-х гг., в современном обществе героизация событий военных лет остается доминантой исторического дискурса о Великой Отечественной войне, и отход от данной модели репрезентации воспринимается большинством участников дискурса крайне негативно².

Кроме того, гендерная история как научная дисциплина лишь недавно начала развиваться в рамках отечественной исторической науки. Как следствие, многие интересные сюжеты, включая повседневную жизнь женщин в разные исторические периоды, остаются нераскрытыми еще и в силу того, что названный подход еще находится в процессе формирования в отечественной исторической науке.

В данной работе предпринимается попытка обратиться к проблеме повседневной жизни женщин в годы Великой Отечественной войны на территориях Карелии, оккупированных Финляндией. Это подразумевает изучение стратегии поведения и выживания оккупированного населения, роль официальных нарративов (советского и финляндского) в его жизни в годы войны, этнический фактор и фактор нужд экономики военного времени в судьбах людей и многие другие. Объектом исследования является свободное население оккупированных территорий Карелии, так как именно на него, в первую очередь, была направлена пропаганда и культурно-просветительская работа финских властей.

---

¹ В грозные годы: Документы и материалы о героических подвигах женщин Карелии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Петрозаводск, 1970. С. 73.

² Данная тенденция особенно ярко проявляется в Интернете, например, в статье интерактивной энциклопедии Wikipedia (<http://ru.wikipedia.org>), посвященных различным аспектам Великой Отечественной войны. По теме финской оккупации можно указать рецензию проф. Н. И. Барышникова на книгу В. С. Лукьянова: *Барышников Н. И.* [Рецензия] // *Лукьянов В. С.* Трагическое Заонежье. Петрозаводск, 2004. С. 208–209.

Изучение проблемы, поставленной в данном исследовании, предполагает обращение к широкому кругу источников. Из источников личного происхождения были использованы воспоминания и интервью с людьми, которые жили в Карелии в период финской оккупации. Воспоминания о финской оккупации опубликованы в нескольких специальных сборниках, а также в большом количестве газетных, журнальных и научных изданий¹. Как правило, в них описываются судьбы людей, оказавшихся в годы оккупации в финских лагерях. Совершенно новой группой источников, использованных в исследовании, являются интервью, собранные с использованием методов устной истории студентами и преподавателями Петрозаводского государственного университета в 2005–2007 гг. и опубликованные в сборнике «Финская оккупация Карелии» в серии «Устная история в Карелии». Помимо этого были использованы материалы полевых экспедиций 2005 и 2006 гг. филологического факультета ПетрГУ, часть которых также относится к периоду финской оккупации Карелии².

Письменные источники представлены материалами Национального архива Республики Карелия из фондов Военного управления Восточной Карелии (Ф. Р-804) и Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-финских захватчиков на территории Карело-Финской ССР (Ф. Р-792), документами региональных парткомов, датированными 1944–1945 гг., из фондов Шелтозерского (Ф. П-20), Пряжинского (Ф. П-21), Кондопожского (Ф. П-33), Кестеньгского (Ф. П-36) и Петрозаводского (Ф. П-1230) райкомов, газетой «Северное слово», издававшейся финскими оккупационными властями для русскоязычного населения, а также опубликованными источниками³.

В результате быстрого наступления, предпринятого финскими войсками, и ошибок, допущенных при эвакуации гражданского населения, к концу 1941 г., когда линия фронта стабилизировалась, на территориях, оккупированных финнами, оставалось около 86 000 человек⁴. Финские оккупационные власти разделили население Карелии на две примерно равные части на основе этнического фактора. К привилегированному («родственному» финнам) населению относились представители финно-угорских национальностей, а

---

¹ Лукьянов В. Указ. соч.; Пленное детство: сборник воспоминаний бывших малолетних узников. Петрозаводск, 2005; и др.

² Автор хотел бы выразить признательность С. В. Федоровой, предоставившей доступ к полевым записям, сделанным в фольклорных экспедициях филологического факультета ПетрГУ в 2005–2006 гг.

³ По обе стороны Карельского фронта. Документы и материалы. Петрозаводск, 1995.

⁴ *Laine A.* Op. cit. S. 487.

к непривилегированному («неродственному») — все остальные¹. Первоначальные планы финнов в отношении захваченных территорий подразумевали их дальнейшее будущее в составе Финляндии. Была отменена колхозная система, сформирована новая структура управления захваченными территориями. «Неродственное» население предполагалось выселить на территорию РСФСР, оккупированную Германией, для чего еще 8 июля 1941 г. главнокомандующий финляндскими войсками Маннергейм отдал приказ о его заключении в концентрационные лагеря². Нужно отметить, что этот приказ был выполнен не до конца, что видно из статистики численности населения концентрационных и трудовых лагерей, которая достигла своего пика (23 984 человека) в апреле 1942 г. и снизилась до 14 917 к январю 1944 г.³ Необходимо учесть то, что в это число входили примерно 10 000 жителей севера Ленинградской области, переселенные от линии фронта в концлагеря, в основном петрозаводские⁴. Таким образом, большая часть «неродственного» населения Карелии, несмотря на приказ, оставалась на свободе.

В составе населения оккупированных территорий количественно женщины превышали мужчин на 68 %⁵. Демографическая структура населения оккупированных территорий привела к ситуации, характерной для всех воюющих стран, когда женщины активно привлекались к традиционно мужским сферам деятельности. Финские оккупационные власти использовали женщин на традиционно «мужских», физически тяжелых работах: в лесной промышленности, в строительстве, для прокладки дорог и пр. Так, в лесной промышленности доля женщин, занятых на производстве, превышала 60 %⁶, а в других сферах экономики была еще выше⁷. Для более эффективного использования представителей «неродственных» национальностей в качестве рабочей силы финские власти организовывали трудовые лагеря по гендерному признаку: мужские, женские и смешанные (семейные).

---

¹ *Laine A.* Op. cit. S. 106.

² *Морозов К. А.* Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 1983. С. 10.

³ *Laine A.* Op. cit. S. 489.

⁴ *Seppälä H.* Suomi miehittäjänä. 1941–1944. Helsinki, 1989. S. 40.

⁵ Сведения финских военных властей о численности и нац. составе населения на оккупированной ими территории Советской Карелии на 31 декабря 1941 г. // По обе стороны... С. 153.

⁶ Ежегодный отчет Военного управления Восточной Карелии за 1943 г. // По обе стороны... С. 414.

⁷ *Куломаа Ю.* Финская оккупация Петрозаводска. Петрозаводск, 2006. С. 138.

Финские планы по аннексии советской Карелии подразумевали непростую работу по изменению норм и ценностей местного населения, которое, как предполагалось, должно было стать будущими жителями Великой Финляндии. Как следствие, сразу после оккупации советской Карелии финские власти начали проводить работу по пропаганде нового порядка среди местного населения. Одной из основных функций пропаганды и просветительской деятельности среди местного населения была контрпропаганда советской идеологии, которая воспринималась финскими лидерами как исключительно враждебная их государственному строю и традиционным ценностям¹.

Принимая во внимание преобладание женщин в структуре населения оккупированных территорий, неудивительно, что именно женщины были выбраны как проводники финского влияния среди населения республики. В 1942 г. именно среди женщин Военное управление Восточной Карелии развернуло активную кампанию по вербовке представителей «родственных» национальностей на различные учительские и религиозные курсы или на временную работу в Финляндии. Оккупационные власти подчеркивали важность этих курсов, ссылаясь на идеологические мотивы, в частности на то, что опыт жизни в Финляндии будет способствовать распространению финляндских норм и ценностей среди населения Карелии: «Военное управление Восточной Карелии наметило в течение начавшейся зимы для группы молодых восточно-карельских женщин создать возможность поработать в Финляндии в качестве домработниц в приличных сельских домах и, таким образом, на практике ознакомиться с тем, как ухаживать за домом и вести хозяйство. [...] Знакомство с условиями жизни в Финляндии и распространение об этом реальных сведений после возвращения людей домой было бы хорошей пропагандой в пользу Финляндии»². Для подобного оптимизма у финских властей были все основания, поскольку он основывался на результатах поездок предыдущих групп: «В течение февраля – мая с. г. в нескольких религиозных народных училищах Финляндии обучались примерно 60 девушек из Восточной Карелии. Помимо того, что эти курсы оказали большое воспитательное влияние на указанных лиц, нами установлено, что, возвратившись в родные места, они проводили

---

¹ *Hölsä M.* On uuden huomenen saava: suomalaisen kansakoulu Itä-Karjalan sotilashallinnon kasvatustavoitteiden toteuttajana miehitysajan aunukselaiskylässä 1941–1944. Joensuu, 2006.

² Письмо финских оккупационных властей в органы государственной полиции Финляндии по вопросу о направлении карельских девушек на работу в крестьянские хозяйства Финляндии от 20.11.1942 // По обе стороны... С. 292.

значительную пропагандистскую работу в пользу Финляндии, и, таким образом, учеба принесла пользу финнизации Восточной Карелии»¹.

О том, что после подобных поездок в Финляндию многие девушки из советской Карелии действительно возвращались с профинскими настроениями, свидетельствуют и документы советских органов власти, которые сразу после освобождения оккупированных территорий Карелии изучали политические настроения среди местного населения. Так, осенью 1944 г. после освобождения Шелтозерского района начальник Шелтозерского районного отделения НКГБ в отчете о последствиях финской пропаганды писал: «Финны особенно стремились проводить работу среди вепсской молодежи. Для них были созданы всякого рода кружки. Но эти кружки были только ширмой. Здесь молодежь воспитывалась в антисоветском духе. Немало молодежи ездило в Финляндию, где они еще больше подвергались обработке против Советской власти. Выступали в газетах со статьями, что финны – наши кровные братья-освободители. Были учителя-комсомольцы, но они попали под влияние и стали на путь пособников финнов. Две молодые девушки ездили в Финляндию и после своей поездки написали статью в фашистскую газету „Северное Слово“ о своей поездке в Финляндию. Статья была направлена против Советского Союза»². А. Громова, учившаяся на учительских курсах в Финляндии в 1942–1943 гг., вспоминала, что лишь немногие девушки с курсов остались в Карелии, когда стало ясно, что Финляндия потерпит поражение в войне³.

Важную роль в гендерной составляющей политики финских оккупационных властей играло моральное воспитание. Под пристальное внимание финской администрации оккупированных территорий попали вопросы, связанные с семейными отношениями. Как пишет А. Лайне, финские власти настаивали на обязательной регистрации отношений, формы гражданского брака не признавались (исключение делалось для районов с преимущественно русским населением, таких как Заонежье), и вопросы, связанные с браком, играли особую роль в финской культурно-просветительской политике на оккупиро-

---

¹ Письмо финских оккупационных властей в органы государственной полиции по вопросу о направлении карельских девушек на учебу в финские народные училища от 8.10.1942 // По обе стороны... С. 288.

² Отчет начальника Шелтозерского РОНКГБ в Шелтозерский райком о политических настроениях в районе, октябрь 1944 г. // Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. П-20, оп. 1, д. 282, л. 19.

³ Из воспоминаний жительницы РК А. Громовой об учебе в Финляндии в годы войны // По обе стороны... С. 406.

ванных территориях¹. Для предотвращения внебрачных отношений финские власти официально запрещали карельским девушкам посещать вечеринки, устраиваемые финскими солдатами². Финские солдаты не имели свободного доступа к предприятиям, где работали женщины, и в бараки женских трудовых лагерей³. Особое внимание моральному воспитанию девушек уделялось в школе. Согласно свидетельству В. Е. Кемляковой, девочек, в том числе и ее, в финской школе «учили, как жить, как замуж выходить, [...] что надо подготовиться к свадьбе, чтобы плохо не было, надо по-хорошему выйти, чтобы девочка родителей мужа слушала, звать „отец“ и „мать“, как своих родных»⁴. Важно также отметить, что для финской школы на оккупированной территории советской Карелии было характерно повышенное внимание к практическим занятиям. Для девочек это была различная домашняя работа: вышивание, приготовление еды и пр.⁵ — та деятельность, которая готовила из них, в первую очередь, жен и матерей, что значительно контрастировало с советской школой, где внеучебная деятельность была посвящена формированию «коллективных» черт (летние лагеря, военные игры и пр.).

Осознавая возможности визуальной пропаганды, финские власти создали образ «новой» карельской женщины, которая широко использовалась в финской прессе и была резко противопоставлена довоенному образу советской женщины. Если советские плакаты 1930-х гг. изображали женщин, в первую очередь, как работниц, членов трудовых коллективов, будь то колхоз или завод, то образ женщины, который использовали в своей пропаганде финские власти, ориентировался на семью, на традиционные религиозные ценности и социальные роли⁶.

---

¹ Лайне А. Браки между финнами и населением оккупированной Карелии // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 17–22.

² Интервью с О. М. Молодиной, 1927 г. р., записано 15.01.2007 // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 69; Интервью с В. С. Яршиным, 1929 г. р., записано 19.03.2007 // Там же. С. 88; Из протокола допроса финского военнопленного Э. Импонена от 24.10.1943 // По обе стороны... С. 382–383.

³ Интервью с А. Т. Николаевской // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 170; Из письма финского военнослужащего другу с фронта // По обе стороны... С. 285; Показания Е. М. Федосевой о жизни при финском оккупационном режиме // Там же. С. 494.

⁴ Интервью с В. Е. Кемляковой, 1927 г. р., записано 19.03.2007 // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 51.

⁵ Интервью с В. В. Харитоновой, 1929 г. р., записано 19.03.2007 // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 94; Интервью с В. Е. Кемляковой // Там же. С. 51; Интервью с О. В. Молодиной // Там же. С. 71; Лонин Р. Детство, опаленное войной. Петрозаводск, 2004. С. 27–28.

⁶ См., например, иллюстрации к газете «Северное слово»: 1942. № 17. С. 3; 1942. №. 51–52. С. 4; 1943. №. 16–17. С. 5; 1943. №. 26. С. 2–3.

Приведенные наблюдения об усилиях финских оккупационных властей в сфере идеологической работы с населением советской Карелии позволяют сделать вывод о том, что в отношении свободного населения общая тенденция финской идеологической работы была направлена на формирование традиционного общества, которое бы более легко поддавалось управлению. Гендерная политика финских оккупационных властей была, таким образом, довольно консервативной. Школа и другие социальные институты в перспективе должны были вновь четко разделить гендерные роли, которые в советском обществе значительно смешались после 1917 г. Представляется, что общество, которое планировалось создать в Восточной Карелии в результате планомерной идеологической работы, должно было стать значительно более традиционным, чем финское общество 1940-х гг. Это можно объяснить как преобладанием в Военном Управлении Восточной Карелии военнотрудовых, которые занимали более консервативные политические позиции, так и господствовавшим среди финнов в целом образом Восточной Карелии как территории традиционной, «старой» финской культуры, где были совершенно неуместны любые социальные эксперименты.

Однако условия военного времени вносили свои коррективы в идеологическую деятельность финских оккупационных властей. Несмотря на всю важность идеологической работы с местным населением, прагматические соображения, диктуемые нуждами войны, имели приоритет над идеологическими. Военная экономика подразумевала интенсивную эксплуатацию всех ресурсов советской Карелии, включая трудовые ресурсы. Хотя обычно тяжелые условия труда ассоциируются с финскими трудовыми и концентрационными лагерями, свободное население также рассматривалось как важный источник рабочей силы, которая широко использовалась в системе военной экономики, построенной финнами в оккупированной Карелии.

Трудовая повинность на оккупированных территориях была введена уже в 8 июля 1941 г. манифестом, подписанным Маннергеймом¹. К трудоспособному населению, обязанному работать, относились все жители Карелии от 15 до 60 лет². Трудовая повинность, в первую очередь, ложилась на женщин, которые составляли большинство трудоспособного населения. Старшие женщины и женщины с детьми, как правило, оставались работать по месту жительства, в то время как незамужних девушек и женщин биржи труда часто направляли на

---

¹ Манифест к населению Карелии // *Куломаа Ю.* Указ. соч. С. 8–9.

² *Куломаа Ю.* Указ. соч. С. 9.

работы в более крупные населенные пункты на заготовку леса и на строительство дорог. В Кондопожском районе, например, девушки из отдаленных деревень направлялись на биржу труда и оттуда обычно на лесозаготовки¹. В Шелтозерском районе многие вепские девушки посылались в Вознесенье на различные работы в тылу финской армии², в то время как другие работали либо в сельском хозяйстве, либо на дорожном строительстве³. На строительстве дорог были заняты женщины и в Заонежье⁴.

Условия работы, как правило, определялись принадлежностью к «родственному» или «неродственному» населению. В регионах с родственным населением они были относительно мягкими: так, некоторые из опрошенных свидетелей оккупационного режима даже отмечали, что они были лучше, чем условия труда в послевоенной Карелии⁵. В карельских районах была схожая ситуация⁶. Более того, именно в них после войны были отмечены выступления за сохранение финских форм хозяйствования, против восстановления колхозов⁷. Однако в целом условия труда в военное время на оккупированных территориях оставались для женщин (особенно для молодых девушек) довольно тяжелыми⁸.

Война оказала большое влияние на такую важную сферу повседневной жизни, как питание. Даже в национальных (карельских и вепских) районах, население которых снабжалось продовольствием лучше, чем «неродственное», в первый год оккупации ситуация с продуктами питания была плохой. Многие свидетели оккупации вспоминали специфические рецепты военного времени. Мука, выдаваемая

---

¹ Интервью с А. Г. Зинатовой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 127; Интервью с О. В. Молодиной // Там же. С. 65–66.

² Интервью с Т. И. Максимовой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 77; Интервью с Е. А. и Т. А. Кильпилайнен // Там же. С. 44.

³ Интервью с В. Е. Кемляковой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 51; Интервью с Т. И. Максимовой // Там же. С. 77.

⁴ Интервью с А. И. Пименовой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 122.

⁵ Интервью с В. Е. Кемляковой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 52; Интервью с Т. И. Максимовой // Там же. С. 81.

⁶ Протокол допроса Воташевой Марии Павловны, 1925 г. р., д. Рышкала Туксинского сельсовета Олонецкого района КФССР от 9.09.1944 г. // НА РК, ф. Р-792, оп. 1, д. 4, л. 71–72; Интервью с А. Г. Зинатовой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 127–128. А. Г. Зинатова во время интервью постоянно смешивала различные эпизоды из своей трудовой деятельности, относящиеся к финской оккупации и к послевоенному времени, объясняя это тем, что условия работы до и после освобождения ничем не различались.

⁷ Доклад секретаря Пряжинского райкома Н. Анхимова партактиву Пряжинского райкома от 29.09.1944 // НА РК, ф. П-21, оп. 1, д. 299, л. 25–26.

⁸ Интервью с В. Е. Кемляковой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 56–57.

финскими властями, смешивалась с корой, соломой и опилками, а также с высушенным мхом и борщевиком. Важной добавкой к ежедневному рациону была крапива и клевер¹. Весной в пищу шла мороженая картошка, которую искали на полях, едва сходил снег, после чего пропускали через мясорубку, смешивали с суррогатной (например, клеверной) мукой и пекли из получившейся массы лепешки². Эти рецепты не были новым изобретением населения Карелии — в связи с северным расположением республики и зависимостью от внешних поставок продовольствия местные жители на протяжении первой половины XX в. не раз сталкивались с угрозой голода. Будучи, таким образом, частью традиционной (причем женской) культуры, эти рецепты помогли многим семьям пережить первый год финской оккупации.

Из всех вопросов, связанных с повседневной жизнью женщин во время финской оккупации советской Карелии, тема взаимоотношений между местными женщинами и финскими мужчинами до сих пор остается, пожалуй, наиболее табуированной. Во время войны любые контакты подобного рода рассматривались как предательство. Д. Гусаров в своей повести «За чертой милосердия» приводит характерный эпизод о том, как восемнадцатилетний партизан посланный на разведку в родную деревню, сочинил историю, как он задушил родную сестру за то, что та гуляла с финским солдатом. В самом партизанском отряде этот выдуманный случай сделал его героем, и на его основе офицер, ответственный за политработу, подготовил лекцию «Нет пощады предателям»³. Подобные настроения сохранились и после войны. В одном из наших интервью приводится свидетельство о том, как женщина, родившая ребенка от финна уже после освобождения Карелии, задушила его, чтобы скрыть этот факт⁴. В другом интервью житель села Шелтозеро рассказал, что его односельчанин, рожденный во время войны от финна, из-за упреков по поводу своего происхождения спился и в конечном итоге совершил самоубийство⁵. Он же вспоминал, что после возвращения советской власти три жительницы Шелтозера, ожидавшие детей от финнов и боявшиеся последствий этого, сделали аборт, и допускал, что таких случаев могло

---

¹ Интервью с В. Е. Кемляковой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 53; Интервью с К. И. Осиповой // Там же. С. 141.

² Интервью с В. Е. Кемляковой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 53; Интервью с Е. А. и Т. А. Кильпиляйнен // Там же. С. 48; Воспоминания Н. Абрамовой // Лукьянов С. Указ. соч. С. 79.

³ Гусаров Д. За чертой милосердия. Петрозаводск, 1977. С. 20–23.

⁴ Интервью с В. Е. Кемляковой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 55.

⁵ Интервью с В. С. Яршиным // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 91.

быть и больше¹. Учитывая царящие в обществе настроения, неудивительно, что после войны подобные эпизоды замалчивались населением бывших оккупированных территорий.

Тем не менее на основании устных и архивных данных можно составить представление о том, что контакты между финскими военными и женщинами не были редким явлением, особенно в национальных районах, что видно из интервью с жителями вепсских территорий Карелии. Так, Т. И. Максимова вспоминала о своей работе в тылу финской армии в Вознесенье: «Старшие девки, конечно, гуляли, и всё такое...», и на вопрос об их дальнейшей судьбе отвечала: «Сколько уехало! Счета не знаю, но многие уехали. Особенно девушки из Рыбреки, Каскесручъя, с той стороны... Девки были зрелые уже, они и уехали. Начинили гулять, потом жили вместе с финнами и потом уехали»². Аналогичные случаи (сожителство, родившиеся дети, аборт) приводят и другие свидетели³. Неудивительно, что в списке вопросов, подготовленных населением освобожденных территорий, одним из первых шел вопрос о дальнейшей судьбе женщин, родивших детей от финнов⁴.

В 1944 г. вместе с отступавшими финскими войсками из Карелии уехали 1264 женщины в возрасте старше 15 лет⁵. Можно лишь гадать, сколько из них последовало в Финляндию или уже будучи замужем за финнами, или собираясь выйти замуж в Финляндии. Антти Лайне указывает, что число браков между финнами и местным населением было значительным (97 браков в 1942–1943 гг., число браков, заключенных в 1944 г., остается неизвестным, но, по мнению исследователя, оно было сопоставимым с числом браков, заключенных в первые два года оккупации)⁶, к тому же многие карельские женщины вышли замуж в Финляндии. Информация из архивных источников и устных свидетельств позволяет предположить, что еще больше женщин, поддерживавших тесные отношения с финнами во время оккупации, остались в Карелии. Таким образом, среди свободного населения отношения местных женщин с финскими мужчинами были относительно распространены (хотя статистически никогда не превышали несколь-

---

¹ Интервью с В. С. Яршиным. С. 91.

² Интервью с Т. И. Максимовой // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 79, 80.

³ Интервью с В. С. Яршиным // Устная история в Карелии. Вып. 3. С. 91; Интервью с В. В. Харитоновой // Там же. С. 96; Интервью с Р. П. Лониным // Там же. С. 106.

⁴ Справка о вопросах населения, находившегося на оккупированной финнами территории КФСР... // По обе стороны... С. 521.

⁵ Из отчета финских властей об эвакуации населения Восточной Карелии в Финляндию... // По обе стороны... С. 553.

⁶ Лайне А. Указ. соч. С. 19–20.

ких процентов от общего числа женщин, живших на оккупированных территориях). В советской Карелии в условиях ненормальной демографической структуры, характеризовавшейся малочисленностью мужского населения брачного возраста, финские мужчины заполнили образовавшийся вакуум, и в населенных пунктах со свободным населением образ финна как потенциального брачного партнера постепенно заменил образ финна как врага. Это означало неэффективность довоенной советской пропаганды, отрицавшей всякое сотрудничество с врагом. Отношения между женщинами, жившими на оккупированных территориях, и финскими мужчинами, таким образом, развивались не по идеологическим шаблонам, а по нормальным (несмотря на условия военного времени) социальным моделям.

Подводя итоги, можно отметить, что жизнь женщин на оккупированных территориях характеризовалась противоречиями между практиками повседневной жизни и идеологическим воздействием оккупационных властей. Как позволяют предположить сделанные наблюдения, женщины «родственных» национальностей в представлении финских властей были той частью общества, через которую было возможно наиболее эффективно провести «финнизацию» советской Карелии. Для этого именно в отношении женщин, особенно молодых девушек, велась активная пропаганда финского образа жизни. Они, в свою очередь, виделись финским властям как посредники, которые должны были распространить этот образ жизни (подразумевавший финские нормы и ценности) на все общество Восточной Карелии. В культурно-просветительской деятельности финны апеллировали к традиционным гендерным ролям женщин, характерным для довольно консервативного сельского общества.

В то же время практики повседневной жизни в значительной степени не совпадали с идеологическим вектором финской оккупационной администрации. Нужды военного времени привели к использованию женского труда в традиционно мужских сферах экономики (дорожное строительство и лесная промышленность). В домашнем хозяйстве женщины также были вынуждены брать на себя когда-то исключительно мужские обязанности, что отмечают многие из опрошенных свидетелей. Это неизбежно вело к «размыванию» традиционных социальных ролей. С другой стороны, контакты и взаимодействие между финскими мужчинами и женщинами из свободного населения Карелии (вопрос, по которому финская администрация так и не выработала определенную точку зрения) осуществлялись согласно традиционным социальным нормам. Наконец, нельзя недооценивать и влияние довоенной советской идеологии, особенно на молодежь,

родившуюся и выросшую при советской власти. Для многих жителей Карелии (особенно для русского населения) финны все-таки воспринимались как представители чужой культуры, как захватчики (так, практически все свидетели финского оккупационного режима вспоминают, с какой радостью они встречали возвращающиеся советские войска). Как следствие, свободное население оккупированных территорий Карелии в целом и женщины в частности в годы войны имели относительно широкий выбор из возможных стратегий поведения при существовании доминантной стратегии, сформированной нормами местного общества и заключавшейся в отказе как от сопротивления оккупационным силам, так и от чрезмерного сближения с ними.